

Е.Н. Яркова

ИСТОКИ И СМЫСЛ СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА НОВЫХ ОНТОЛОГИЙ

Цель статьи – максимально приблизиться к пониманию истоков и смысла спекулятивного реализма, способствовать определению его места в истории философии, выявлению его значения в становлении после-постмодернистских форм бытия культуры и общества. Автор приходит к выводу, что спекулятивный реализм – онтологическая парадигма, концептуализирующая представления о мире, рожденные цифровой эпохой; его смысл заключается в реабилитации реализма, который противопоставляется как модернистскому оптимизму, определяющему человека как хозяина бытия, так и постмодернистскому скептицизму, определяющему бытие как иррациональный, не подвластный человеческому пониманию процесс.

Ключевые слова: онтология; computer science; объективизм; корреляционизм; реализм; эссенциализм

Вопрос о том, что есть бытие, всегда волновал человека философствующего. Онтологическими размышлениями наполнена философия Древнего Востока, Античности, Средневековья, Возрождения. Однако само понятие «онтология» кристаллизуется достаточно поздно – в эпоху Просвещения, становления и развития классической науки. И это не случайно, формирование рациоцентрического (или логоцентрического, как его впоследствии назовут постмодернисты) мировоззрения порождает тенденцию к упорядочению знания, его структуризации посредством неких дисциплинарных матриц. Эта тенденция не минует как философию в целом, так и отдельные ее разделы. В результате, выделяются отдельные философские дисциплины – онтология, гносеология, философская антропология и т.д., а затем в рамках этих дисциплин также оформляются некие матричные структуры. Что касается онтологии, то ими становятся концептуальные оппозиции: монизм – плюрализм; реализм (материализм) – идеализм; эссенциализм – экзистенциализм. Развитие онтологической мысли можно схематически представить, как противостояние парадигм: монистической – плюралистической (дуалистической), реалистической (материалистической) – идеалистической, наконец, эссенциалистской – экзистенциальной. Последнее складывается уже за границами классической эпохи и присуще скорее неклассическому философствованию.

Однако представление о дисциплинарной структуре онтологии будет неполным, если не учитывать еще одну, на первый взгляд, имеющую отношение скорее к гносеологии, нежели онтологии, концептуальную оппозицию: объективизм – субъективизм. Именно эта оппозиция, возникая изначально как негромкий подголосок в общем полифоническом хоре философских дискуссий, в конечном счете решает судьбу онтологии во второй половине XX в.

Перенос концептуальной оппозиции объективизм – субъективизм в область онтологических штудий был осуществлен Д. Беркли, заявившим, что бытие – это или то, что воспринимается, или тот, кто воспринимает [1. С. 5]. И. Кант смягчает радикальный субъективизм Беркли, разделяя «вещи в себе» и «вещи для нас». Тем не менее именно он совершает знаменитый «коперниканский переворот» в философии,

демонстрируя всей своей теорией познания, что не субъект познания вращается вокруг объекта познания, но объект познания вращается вокруг субъекта познания, соответственно, последний не просто пассивно фиксирует некий мировой порядок, но активно конституирует его [2]. Конечно, невозможно не восхититься интеллектуальной скромностью Канта, рассматривающего познание как поиск истины, но не как обладание истиной. Однако бесспорно и другое, делая акцент на субъективности знания о мире, он способствовал проникновению в онтологические штудии некоего вируса скептицизма, который изнутри постепенно разлагал этот раздел философского знания, способствуя его медленной деградации, сведению онтологии к гносеологии.

Уже ученик и последователь Канта И.Г. Фихте снимает противостояние «вещей в себе» и «вещей для нас» в пользу «вещей для нас». Определяя объективную реальность и, в первую очередь, мир материальных вещей, как «не-я» он, в сущности, показывает, производность этой реальности от деятельности мыслящего «я» [3].

Отсюда можно перебросить мост к экзистенциализму XX в., особенно к его французской версии, где одной из ключевых становится идея абсурдности бытия, следовательно, принципиальной невозможности какой бы то ни было его концептуализации. Так, онтология превращается в учение о бытии человека, который творит свою сущность в процессе существования, не как нечто извлеченное из мира, а как нечто привнесенное волей человека в этот иррациональный мир [4].

Девальвация онтологических штудий достигает кульминации в философии постмодерна. Д. Фоккема полагает, что «писатели-постмодернисты отказались от поиска сущностей, включая экзистенциальную истину. Их больше не интересуют онтологические проблемы [5. С. 20–21]. Дж. Ваттимо именует философию постмодерна философией с «дебольной», «ослабленной» онтологией [6. С. 3–22]. Действительно, постмодернизм доводит идеи Канта до их логического предела. Пожалуй, единственным фундаментальным положением постмодернистской «ослабленной онтологии» является утверждение, что мир существует лишь в интерпретациях, которых может быть

множество. Культивирование такого рода интерпретативного плюрализма оборачивается дереализацией (анти-реализмом) – «семантическим аннулированием реальности» (Бодрийяр), «кастрацией реальности» (Барт). Постмодернистский отказ от любого рода метаповествований, позиционирование мира как бесформенной ризомы, вполне допустимо рассматривать как механизмы культивирования мировоззренческого и, как следствие, онтологического хаоса.

Тем не менее зачастую хаос становится источником нового порядка. Во всяком случае, И. Пригожин утверждает, что динамический хаос может служить источником самозарождения упорядоченных структур [7. С. 15].

Так и происходит... Сквозь постмодернистскую онтологическую какофонию начинают просачиваться причудливые гармонии новых, не постмодернистских онтологий.

Формирование новой онтологии – по определению сложный многофакторный процесс. Одним из ведущих факторов, обуславливающих смену онтологических парадигм начиная с XVI–XVII вв., становится развитие науки. Рефлексия над той или иной исторически сложившейся научной картиной мира начинает составлять значимую часть контента онтологических штудий. Вообще, можно говорить о некоем параллелизме развития науки и философской онтологии. Симптоматично, что кризис той или иной научной картины мира влечет либо отказ от онтологического конструирования (позитивизм, прагматизм), либо всплеск антисциентизма (философия жизни, экзистенциализм).

Необходимо отметить и еще одно немаловажное обстоятельство: главную роль в разработке научной картины мира в рамках разных исторических типов научной рациональности играли разные науки. «Наукой наук» в рамках классической научной рациональности была классическая механика – мир воспринимался как большой, созданный Богом механизм. Значение механистической картины мира в философии XVII–XVIII вв. трудно преувеличить. Именно она стала исходным ориентиром онтологий Декарта, Спинозы, Лейбница и др.

«Наукой наук» наших дней, играющей главную роль в разработке постклассической научной картины мира, очевидно, следует считать Computer science. Экспансия последней практически во все области научного знания превращает ее в своего рода метанауку. Соответственно, мир все более воспринимается сквозь призму информационных технологий как big data сущего. Такое мировидение вольно или невольно вызывает к жизни новые онтологические штудии.

Впрочем, достаточно близкие отношения между философской онтологией и Computer science складываются еще до появления новых онтологий.

Возможно, все началось с того, что Computer science заимствовала у философии понятие «онтология». Атрибутом цифровых технологий становится «формальная онтология», «онтологическая инженерия». Применительно к цифровым технологиям формальная онтология – это концептуальная сетка, система понятий, посредством которой различные объ-

екты и их связи фиксируются искусственным интеллектом. Последний не способен к пониманию положения вещей в мире, соответственно, условием создания баз данных становится представление всей информации в формализованном виде. Сравнивая философскую и цифровую онтологии аналитики отмечают: «В философии “онтология” – это наука, изучающая бытие, а “онтология” в инженерии – это отображение бытия в формализованном виде» [8. С. 8]. Самое удивительное, что философы и программисты настаивают на том, что между философскими и компьютерными онтологиями нет никакой связи. Между тем эти связи очевидны. Формальная онтология – отнюдь не изобретение программистов, она тесно связана с такой философской дисциплиной, как формальная логика. Традиция интерпретации логики, как формальной онтологии восходит к Э. Гуссерлю, который понимал ее как априорное учение о формальных структурах предметности [9].

Возможно развитие онтологической инженерии, превращающей формальную онтологию, условно говоря, в инструмент «инвентаризации сущего», в конечном счете, оживляет онтологические штудии, тем самым способствуя появлению новых философских онтологий. Не случайно последние широко используют компьютерную лексику, например, Г. Харман именуется свою онтологию по аналогии с современной парадигмой программирования объектно-ориентированной.

Однако терминологические пересечения лишь частность. В дискурсивном пространстве новых онтологий осуществляется осмысление и переосмысление представлений о мире как о big data сущего. Особенно это касается спекулятивного реализма.

Статус последнего как серьезного философского направления неоднократно подвергался сомнению. Спекулятивных реалистов именовали сектой блогеров и горсткой академических неудачников, а сам спекулятивный реализм – неким малосодержательным модным философским брендом. Собственно говоря, цель настоящей статьи заключается в том, чтобы максимально приблизиться к пониманию истоков и смысла спекулятивного реализма и тем самым, возможно, способствовать определению места этого направления в истории интеллектуальной мысли, а также выявлению его значения в становлении новых (после-постмодернистских) форм бытия культуры и общества.

На мой взгляд некоторые выдвигаемые спекулятивными реалистами идеи навеяны базовыми научными принципами Computer science. Конечно, едва ли верно рассматривать спекулятивный материализм К. Мейясу, объектно-ориентированную онтологию Г. Хармана, трансцендентальный нигилизм Р. Брасье, а тем более, трансцендентальный материализм И.Г. Гранта как философскую аранжировку научных принципов Computer science. Спекулятивный реализм – отнюдь не узко-сциентистская дигитальная онтология. И генерируется он отнюдь не только посредством сублимации, сформированной Computer science, научной картины мира в философскую картину мира. Спекулятивный реализм являет собой онто-

логическую парадигму, в той или иной мере отражающую представления о мире, рожденные цифровой эпохой. Л. Брайант утверждает, что новые технологии значительно преобразовали телесный опыт, место, ситуативность, сообщества, информацию и природу сознания, что объектно-ориентированная онтология и спекулятивный реализм отвечают на эти онтологические перемены даже там, где новое еще не стало объектом мысли, когда мы не вполне уверены, где мы находимся, кто мы есть и чем перемены вызваны [10].

Для конкретизации выдвинутых мною положений обращусь к фактам – идеям спекулятивного реализма и их связям с принципами Computer science.

Primo. Одна из ключевых идей спекулятивного реализма – отчуждение от принципа субъективизма и партиципация к принципу объективизма. Таковое концептуализируется как критика корреляционизма. Последний становится предметом инвектив практически всех представителей спекулятивного реализма.

Термин «корреляционизм» вводит К. Мейясу, обозначая им позицию, согласно которой представления о реальности всегда скоррелированы субъективным доступом к ней. Он позиционирует корреляционизм как установку, уводящую философскую мысль от познания бытия как такового к познанию корреляции между бытием и мышлением. Результат такого смещения интересов, по мнению Мейясу, – утрата реальности: «Современные философы безвозвратно лишились Великого Внешнего, абсолютного Внешнего докритических мыслителей: Внешнего, не опосредованного отношением к нам, данного как безразличное к собственной данности, существующего в себе, безразлично, мыслим мы его или нет; такое Внешнее, которое мысль могла бы постигать с оправданным чувством пребывания на чужой территории – в совершенно чуждом ей месте» [11. С. 14–15].

Развернутый критический анализ различных форм корреляционизма (Беркли, Кант, Фихте, Хайдеггер, постмодернизм) предпринимает Р. Брассье. Главным его оружием в борьбе с корреляционизмом становится нигилизм: «Нигилизм – это не экзистенциальное затруднение, а спекулятивная возможность. Мышление имеет интересы, которые не совпадают с интересами жизни; более того, они могут быть противопоставлены последним» [12. Р. xi]. Брассье квалифицирует корреляционизм как философскую отправную точку множества предпринятых в XX в. попыток растворить философские проблемы в вопросах политики, социологии, антропологии и психологии: «Для корреляциониста бессмысленно спрашивать, что есть нечто само по себе независимо от нашего к нему отношения, поскольку невозможно отделить субъективное от объективного, или человеческое от нечеловеческого» [13. С. 239].

Г. Харман убежден, что корреляционизм «делает философию провинциальной, настаивая на личном присутствии человека-свидетеля где бы то ни было» [14]. Критический поворот Канта, по мнению Хармана, следовало бы назвать «антикоперниканским», так как вместо открытия мира Кант поставил человека в центр, сделав мышление главным посредником между объектом и миром. Симптоматично, что исследовате-

ли считают, что Харман «возвращает многократно критикуемому в современной философии понятию “объективный” его практически первоначальный статус, наполнив его новым содержанием, предполагая, что эвристическая ценность онтологии повысится, если опираться на объекты» [15. С. 14].

Своеобразный вариант критики корреляционизма предлагает И.Г. Грант. Он обозначает приверженность к субъективизму в онтологических построениях как элиминацию природы и примат практического разума над теоретическим, превращающим онтологию в этизированную феноменологию [16]. Стремление редуцировать порядок природы к человеческим его описаниям, по мнению Гранта, ведет к ограничению природного становления масштабами видимого человеком. В результате природному становлению приписывается прогрессивный вектор, человек объявляется высшим деянием природы, которому, в конечном счете, передается порождающая активность природы. Реабилитация онтологии требует отказа от привилегированного статуса человека и обновленного исследования сферы неорганического, поскольку «бытие предшествует мышлению именно потому, что если бы его не было, то не только нечего было бы думать, но и не могло бы быть никакого мышления» [17. Р. 82].

Зададимся вопросами: каковы предпосылки критики корреляционизма (субъективизма), почему детально проработанная в философии неклассической науки (махизм, конвенционализм, эволюционная эпистемология), кажущаяся бесспорной идея обусловленности знания об объекте познавательными способностями, возможностями, теоретическими, личностными предпочтениями познающего субъекта квалифицируется как, по меньшей мере, контрпродуктивная? Почему возникает стремление реанимировать, присущий классической науке (Бэкон, Декарт, Локк) принцип гносеологического объективизма, суть которого заключается в утверждении объективности и предметности знания, достигаемой за счет исключения всего того, что относится к субъекту и процедурам его познавательной деятельности?

Несомненно, важнейшей предпосылкой реабилитации объективизма являются изменения природного мира, делающие несостоятельными стратегии бытия, сформированные на основе как модернистских, так и постмодернистских онтологий. В определенном смысле спекулятивный реализм можно рассматривать как «ответ» на «вызов» антропоцена. Однако показательно, что в поисках этого ответа спекулятивный реализм вольно или невольно апеллирует к принципам Computer science. Беспристрастный объективизм Computer science, в рамках которой мир есть, в первую очередь, big data сущего, которое к тому же подводится под некий общий знаменатель единиц и нулей, чрезвычайно релевантен основным устремлениям спекулятивных реалистов. Именно в Computer science принцип гносеологического объективизма приобретает особую остроту – показательно, что в этой науке всяческие проявления субъективности (человеческого фактора) расцениваются как главное препятствие на пути ее развития. Например, гурӯ со-

временного программирования Ларри Л. Константин пишет: «...человеческий фактор в программировании» (reopleware) является третьей волной компьютерной революции. Сначала произошел кризис, связанный с аппаратным обеспечением. Одно время мы думали, что наши проблемы возникают из-за аппаратного обеспечения. Нам казалось, что, если бы только у нас были более быстрые и мощные компьютеры с большими объемами памяти и более совершенными периферийными устройствами, мы смогли бы создавать более совершенные системы и решать наши задачи. И вот мы получили лучшие компьютеры. Год от года аппаратное обеспечение становилось все быстрее, память – больше, а периферийные устройства – более разнообразными и эргономичными. Однако наши проблемы не исчезли. Мы все еще продолжали создавать системы, трудные для применения. Мы все также опаздывали с завершением своих проектов и превышали запланированный для них бюджет. Поэтому мы решили, что на самом деле проблема состоит в программном обеспечении, после чего линия фронта в компьютерной революции переместилась к рубежу, который многие стали называть “кризисом программного обеспечения”. Если бы только у нас были более совершенные инструменты, языки более высокого уровня, более мощные библиотеки компонентов и программы для создания программ, мы смогли бы решать наши задачи и создавать хорошие системы вовремя и в пределах бюджета. Языки третьего поколения стали еще более сложными и породили языки четвертого поколения (4GL). Компиляторы становились все быстрее и эффективнее. Библиотеки компонентов многократного использования расширялись, редакторы стали контекстно-зависимыми, а разнообразные инструменты автоматизированной разработки программного обеспечения появлялись, как грибы после дождя. Вслед за структурной революцией, давшей нам структурное проектирование и анализ, стало развиваться и набирать популярность объектно-ориентированное направление. Однако графики работ по-прежнему не выполнялись, бюджеты превышались, а количество ошибок в программах упрямо не желало становиться меньше. В конце концов, подобно Пого и его легендарным друзьям из Окифиноки, на своем опыте мы выяснили, в чем тут дело. Как мудро сказал этот маленький опоссум: “Мы встретили врага – это мы сами”. И это действительно так. Все сводится к человеческому фактору в программировании» [18].

Понятно, что спекулятивные реалисты не просто калькируют принцип исключения человеческого фактора, но поднимают его на философскую высоту. Пожалуй, никогда прежде мы не имели дела со столь радикальным объективизмом, никогда прежде крамольная с позиций утилитарного гуманизма идея «бытия в отсутствие мысли» не становилась предметом онтологических штудий. Однако идея «бытия в отсутствии мысли» выступает отнюдь не как нравственный, но как познавательный императив. Человек берется в скобки не потому, что на его место предполагается поставить постчеловека или трансчеловека, как это делается, например, в трансгуманизме, а для

того, чтобы максимально приблизиться к очищенной от субъективных смыслов объективной реальности бытия, которая уже не представляется как человеко-размерная: «...суть реалистического убеждения в том, что существует независимая от разума реальность, которая, несмотря на презумпции человеческого нарциссизма, безразлична к нашему существованию и не замечает “ценностей” и “смыслов”, которые мы хотели бы надеть на нее, чтобы сделать ее более гостеприимной. Природа не является ни нашим, ни чьим-либо “домом”, ни особенно благодетельным прародителем», – констатирует Брассье [12. Р. xi]. Собственно говоря, спекулятивные реалисты называют свою философию новой именно потому, что объектом ее исследования является не дискурс, текст, власть, сознание, т.е. сугубо человеческие феномены, но природа реальности вне зависимости от человеческого.

Secundo. Еще одна ключевая идея спекулятивного реализма – отчуждение от парадигмы идеализма (постмодернистской дереализации) и партиципация к парадигме реализма. В русле новых онтологических штудий осуществляется реабилитация реализма, причем, замечу, что сама логика спекулятивных реалистов носит скорее апологетический, нежели строго аналитический характер, – система рассуждений выстраивается под уже определенные убеждения.

К. Мейясу, стремясь обосновать позицию реализма, отталкивается от кантовских «вещей в себе». Таковые, по Канту, непознаваемы, т.е. являют собой «реальность в себе». Тем не менее, констатирует Мейясу, они существуют, т.е. являются фактами: «Быть – значит быть не коррелятом, а фактом, т.е. быть – это быть фактичным» [19]. При этом фактичности, по мысли Мейясу, неотделима от контингентности (не-необходимости, возможности вещи быть другой). Таким образом, не скатываясь к наивному реализму, т.е. не упрощая представления о реальности, одновременно не сводя познание к простому ее отражению, Мейясу достаточно основательно расшатывает позиции анти-реализма (дереализации).

Несколько иначе обосновывает позицию реализма Г. Харман. Его онтология базируется на представлении, что весь мир, включая человека, есть некий конгломерат объектов. При этом одни объекты являются реальными, другие – чувственными. («Вещь в себе» реальна, а «вещь для нас» – чувственна). Харман убежден, что разница между двумя типами объектов заключается в том, что реальные объекты требуют замещающей причинности (т.е. содержат причину в самих себе), а чувственные – буферной (т.е. имеют причину в отношениях). Соответственно, возврат к реализму, по Харману, заключается в том, чтобы сосредоточить внимание не на отношениях объектов, но на самих объектах: «Единственный способ учредить объектно-ориентированную онтологию – не переключаться на процесс, генезис, динамизм или протекание, а вместо этого учредить новую модель объектов как предельно свободных от любых отношений и частично сокрытых в своих личных вакуумах» [20. С. 13]. Специфику защищаемого им реализма Харман позиционирует следующим образом: «Согласно обычному определению реализма – редкой среди современных континенталь-

ных философов позиции – в нем постулируется существование мира “за пределами сознания”. Заметьте, однако, что такой реализм слишком уж многое уступает современному идеализму, поскольку неявно допускает, что внешнее есть, прежде всего, у сознания. С точки зрения объектно-ориентированной философии, напротив, реализм утверждает, что за пределами чего угодно есть мир: вне кроликов, капель дождя, облаков и единорогов. Всякая сущность есть то, что она есть, и ничто ни с чем не вступает в исчерпывающее отношение» [21. С. 12].

Иной способ апологии реализма находит Р. Брассье. Он убежден, что реализм неизбежен даже для самых упрямых анти-реалистов потому, что нельзя не признать, что понятие физической вещи и постигаемая физическая вещь – это разные вещи. В своей защите реализма Брассье делает ставку на конкретные науки. Он полагает, что наука имеет дело с физическими вещами, она опирается на обезличенные объективные предложения, фиксирующие, не имеющие отношения к субъекту, наблюдения: «В научной установке реальность объекта определяет содержание представления о нем и позволяет определить расхождение между реальностью объекта и способом его концептуального описания» [13. С. 242]. По мнению Брассье, наука открывает доступ к реальности: «Реальное в научной репрезентации объекта не совпадает с чуждостью объекта в качестве концептуально описанного <...>, однако научная установка как раз и отличается имманентным и одновременно трансцендентальным разрывом между реальностью объекта и его бытием в качестве концептуально описанного. В установке научной репрезентации именно первая определяет последнее и вынуждает постоянно подвергать его пересмотру» [13. С. 242].

Йен Гамильтон Грант в своем стремлении реабилитации реализма утверждает, что трансцендентальное явление имеет физическую основу: «Борясь в полной мере с последствиями критического поворота Канта, даже конструктивно противостоя ему, Грант пытается вывести трансцендентальный проект за пределы его идеалистических тенденций, чтобы соединить его с темным и грохочущим полем чистой “продуктивности”, лежащим под всеми феноменальными продуктами. Именно из этих глубин рождаются природа, ум, общество и культура», – констатируют Л. Брайант, Н. Срничек, Г. Харман [22. Р. 7].

Итак, почему актуализируется принцип реализма?

Понятно, что это связано с осмыслением опасностей, которые несут в себе стратегии дереализации. Ренессанс реализма можно рассматривать как реакцию на мировоззренческую ситуацию, сложившуюся вследствие развития Computer science. Цифровые технологии способствуют стиранию граней между идеальным и реальным. Благодаря этим технологиям формируется возможность, условно говоря, реализации идеального, т.е. превращения существующих лишь в воображении идеальных миров в миры виртуально-реальные, в компьютерные симуляции. Computer science создает весьма серьезную проблему различания физического и виртуального миров. Достаточно остро эта проблема представлена Н. Бостро-

мом, заявившим, что наш мир вполне может быть компьютерной симуляцией [23]. Симптоматична реакция на это заявление: хакеры принялись разрабатывать план побега из компьютерной симуляции, например, при помощи создания религии, посвященной освобождению от оков симуляции. Необходимо констатировать, что в отличие от культуры постмодерна, где дереализация позиционировалась как бегство от власти тотализирующего дискурса, в культуре цифровой эпохи она рассматривается как форма несвободы, как «виртуальная тюрьма» – вспомним сюжеты таких кинематографических бестселлеров, как «Матрица», «Черное зеркало». П. Вирилио полагает, что день, в который виртуальная реальность окажется более убедительной, чем физическая реальность, станет днем величайшей катастрофы, человечество никогда не переживало столь невероятной угрозы [24]. Таким образом, апология реализма как онтологической парадигмы происходит скорее вопреки набирающей обороты дереализации бытия, как антидот этому неоднозначному процессу.

По-видимому, не будет большой натяжкой квалификация спекулятивного реализма как современного варианта позитивизма. Примечательно, что позитивистские идеалы актуализируются в определенные периоды развития философской мысли, которые условно можно обозначить как периоды наивысшей дереализации философской мысли. Например, позитивизм Бэкона можно квалифицировать как ответ на такого рода дереализацию в схоластике, позитивизм Конта, Милля – как ответ на дереализацию в немецкой классической философии, наконец, спекулятивный реализм – как ответ на дереализацию философии второй половины XX в. Последнее обстоятельство фиксируют сами спекулятивные реалисты: «В течение долгого времени общим местом континентальной философии был фокус на дискурсе, тексте, культуре, сознании, власти или идеях, как на том, что конституирует реальность. В этом отношении феноменология, структурализм, постструктурализм, деконструкция и постмодернизм – все являются превосходными образцами анти-реалистического тренда в континентальной философии. В отличие от повторяющейся континентальной установки на тексты, дискурс, социальные практики и человеческую конечность, новая порода мыслителя все более разворачивается к реальности как таковой. Но все они, так или иначе, опять стали более широко размышлять о природе реальности вне зависимости от мышления и человеческого» [22. Р. 2–3].

Tertio. Еще одна специфическая особенность спекулятивного реализма – отчуждение от идеалов экзистенциализма и партиципация к идеалам эссенциализма.

Из предыдущих рассуждений ясно, что общим для спекулятивных реалистов является представление, согласно которому человек не есть привилегированное существо, тем более центр мироздания. Леви Брайант рассматривает спекулятивный реализм как анти-антропоцентризм: «СР заставил меня понять, что мы есть сущие среди других сущих, захваченные драмой, значительно превосходящей нас, что мы не есть центр универсума и что если мы хотим понять мир, нам нужно стараться наблюдать, как наблюдают другие наблю-

датели» [10]. Онтологии Г. Хармана, К. Мейясу можно отнести к разряду «плоских» на том основании, что они ставят своей задачей «...помыслить бытие, которое не имеет никакого отношения к иерархиям и вертикали. Всякая иерархия создается объектами: для людей она одна, для нелюдей – другая. Само же бытие не-иерархично, оно совершенно нейтрально ко всякому сущему» [25. С. 1629].

Одновременно в спекулятивном реализме, формируется нечто, могущее условно быть определенным как эссенциализм. Часть спекулятивных реалистов именуют свои концепции материализмом.

Спекулятивным материализмом называет свою концепцию Мейясу. Однако он далек от определения материи как субстанции, а тем более как строительного субстрата. Отталкиваясь от концепции бытия как фактичности и контингентности, в качестве Абсолюта Мейясу полагает «фактуальность»: «Фактуальность – это не фактичность, а ее необходимость, ее сущность» [19].

Не пытаясь определить, что такое материя-в-себе, т.е. что есть фактуальность как сущность, Мейясу полагает возможным познание мира фактов математическими средствами. Только математика, безразличная к человеческому существованию, может разорвать порочный круг субъектно-объектной корреляции: «Мы должны удерживать следующее: все те аспекты объекта, которые могут быть сформулированы в математических выражениях, могут содержательно мыслиться как свойства объекта в себе. Из всего того, что в объекте может дать повод для математического осмысления (в виде формулы или в цифровом формате), а не из воспринимаемого или ощущаемого, есть смысл сделать свойство вещи не только как она есть для меня, но и как она есть без меня» [11. С. 8].

Как связан современный материализм с Computer science? Самым непосредственным образом. Для того чтобы убедиться в этом достаточно сравнить материализм спекулятивного реализма с материализмом цифровой философии, создателями которой являются по преимуществу IT-специалисты. Один из таковых – Йок Хуай, выдвигает концепцию относительной или цифровой материальности, материальности с де-субстанционализацией. Он утверждает, что реляционная материальность становится видимой и явной в цифровых условиях: «Встроенная в цифровые объекты каузальность материализована посредством данных, вместо электронов и разности напряжений, хотя мы все равно должны иметь в виду, что в их основе лежат физические принципы» [26].

В целом, апелляция к математике и исключение экзистенциального элемента чрезвычайно комплементарны современному слабому (по определению Д. Сёрля) искусственному интеллекту, оперирующему не семантическими, но синтаксическими структурами.

Один из критиков спекулятивного реализма В.А. Кутырев утверждает: «...[спекулятивный] ре-

лизм есть отражение экспансии искусственной виртуальной реальности, претендующий на парадигмальное объяснение всего сущего. Как превращенная форма философии Computer science он обосновывает конечность предметной физической реальности, тем самым лишая человека его жизненного мира» [27. С. 8]. Такое понимание истоков и смысла спекулятивного реализма вызывает смешанные чувства. Во-первых, потому что связь спекулятивного реализма с философией Computer science рассматривается как нечто порочное, как если бы Computer science была некоей вредоносной лженаукой или псевдонаучным, контрпродуктивным для человека и общества учением. Во-вторых, потому что смысл спекулятивного реализма усматривается в отражении экспансии искусственной виртуальной реальности и обосновании конечности предметной физической реальности. На мой взгляд, дело обстоит прямо противоположным образом – спекулятивный реализм отставляет идею существования независимой от человека предметной физической реальности, поглощение последней виртуальной – созданной человеком – реальностью с позиций спекулятивного реализма есть предельная форма корреляционизма.

В чем же заключается смысл спекулятивного реализма? Как представляется – в реализме, который обретает не только онтологический, но и деонтологический статус. И, соответственно, противоплагается как позиции модернистского оптимизма, определяющего человека как хозяина бытия, так и позиции постмодернистского скептицизма, определяющего бытие как хаотичный, не подвластный человеческому уразумению процесс.

Что же касается предпосылок спекулятивного реализма, то в качестве таковых сами спекулятивные реалисты определяют, во-первых, исчерпанность анти-реалистической (корреляционистской) континентальной философии (экзистенциализм, феноменология, структурализм, постструктурализм, аналитическая философия), во-вторых, ее контрпродуктивность в условиях цифровизации бытия и пролонгации антропоцена: «Перед лицом надвигающейся экологической катастрофы и растущего проникновения технологий в повседневный мир (включая наши собственные тела) неясно, готова ли анти-реалистическая позиция противостоять этим событиям. Опасность заключается в том, что доминирующая анти-реалистическая направленность континентальной философии не только достигла точки снижения отдачи, но и активно ограничивает возможности философии в наше время. Однако в работах того, что мы называем “спекулятивным поворотом”, можно обнаружить намеки на что-то новое. В отличие от повторяющегося континентального фокуса на текстах, дискурсе, социальных практиках и человеческой конечности, новая порода мыслителей вновь обращается к самой реальности» [22. С. 3]. Конечно, спекулятивный реализм трудно назвать некоей стратегией бытия, он являет собой, скорее, исходную констатацию реального положения вещей, от которой можно отталкиваться в конструировании такого рода стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беркли Д. Сочинения / сост., общ. ред. и вступ., ст. И.С. Нарского. М.: Мысль, 2000. 560 с.
2. Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 3: Критика чистого разума. М.: Чоро, 1994. 741с.
3. Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 275–473.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
5. Fokkema D. The Semiotics of Literary Postmodernism // International Postmodernism. Theory and literary practice / H. Bertens, D. Focsema (eds.). Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. P. 15–42.
6. Vattimo G. Nihilism and Emancipation: Ethics, Politics, and Law / ed. by S. Zabala. New York: Columbia University Press, 2004. 197 p.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Митрофанова О.А., Константинова Н.С. Онтологии как системы хранения знаний // Всероссийский конкурсный отбор обзорно-аналитических статей по приоритетному направлению «Информационно-телекоммуникационные системы». 2008. Т. 48, № 2. С. 1–54.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э.А. Бернштейн; под ред. С.Л. Франка; нов. ред. Р.А. Громова. М.: Академический Проект, 2011. 253 с.
10. Bryant L. Larval Subjects. URL: <https://larvalsubjects.wordpress.com> (дата обращения: 04.12. 2019).
11. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
12. Brassier R. Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction. London: Palgrave Macmillan, 2007. 275 p.
13. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. 2017. Т. 27, № 3. С. 227–262.
14. Харман Г. Мы живем внутри метафизики. URL: <https://knife.media/grahamharman/> (дата обращения: 04/12/2019).
15. Головашина О.В. Объективная онтология? Метафизика Г. Хармана // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, вып. 1. С. 4–16.
16. Grant I.H. Philosophies of Nature After Schelling. London; New York: Continuum, 2006. 246 p.
17. Grant I.H Does Nature Stay What-it-is? Dynamics and the Antecedence Criterion // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism / Ed. by L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman. Melbourne, 2011. P. 66–83.
18. Константин Л.Л. Человеческий фактор в программировании. URL <https://www.litmir.me/br/?b=133025&p=1> (дата обращения: 04.12.2019).
19. Мейясу К. Время без становления Доклад в Университете Мидлсекса в рамках семинара Центра исследования современной европейской философии, организованного Питером Холлуардом и Рэем Брасье, 8 мая 2008 года // Гефтер. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 04.12. 2019).
20. Харман Г. Четверойкий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозова и О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
21. Харман Г. Спекулятивный реализм: Введение. М.: Рипол-Классик, 2019.
22. Bryant L, Srnicek N., Harman G. Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn Continental Materialism and Realism / Ed. by L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman. Melbourne, 2011. P. 1–18.
23. Бостром Н. Мы почти наверняка живем в компьютерной симуляции. URL: <https://econet.ru/articles/146560-nik-bostrom-my-pochti-navernyaka-zhivem-v-kompyuternoy-simulyatsii> (дата обращения: 04.12. 2019).
24. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис; Прагматика культуры, 2002. 192 с.
25. Ветушинский А.С. На пути к симметрии: как онтология стала плоской // Философия и культура. 2016. № 12 (108). С. 1625–1630. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.20796
26. О существовании дигитальных объектов: Беседа с Йуком Хуэя (Беседовал Евгений Куцинов. Вопросы: Евгений Куцинов, Иван Спицын). 26 апреля 2016 года. URL: <http://pop-philosophy.net/o-sushhestvovanii-digitalnykh-obektov/> (дата обращения: 04.12. 2019).
27. Кутырев В.А. Спекулятивный реализм как философия фактичности начала конца человеческого (мира). (Размышление над книгой: Квентин Мейясу. После конечности. Эссе о необходимости контингентности // Философия и культура. 2018. № 10. С. 8–17. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.10.27939

Статья представлена научной редакцией «Философия» 11 мая 2021 г.

The Origins and Meaning of Speculative Realism: On the Problem of the New Ontologies Genesis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 93–100.

DOI: 10.17223/15617793/471/11

Elena N. Yarkova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: mimus.lena@mail.ru

Keywords: ontology; computer science; objectivism; correlationism; realism; essentialism.

The formation of a new ontology is a complex multifactorial process. One of the leading factors contributing to the change of ontological paradigms, since the 16th and 17th centuries, is the development of science. Reflection over one or another historically established scientific picture of the world is a significant part of the content of ontological studies. Computer science plays a major role in the development of the postclassical scientific picture of the world. Its expansion into all areas of scientific knowledge turns it into meta-science. As a result, the world begins to be perceived through the prism of information technology as a big data entity. Such a world-view initiates new ontological studies. This is especially true for speculative realism. The status of speculative realism as a serious philosophical trend has been repeatedly questioned. This article aims to maximally approach the understanding of the origins and meaning of speculative realism and to help determine the place of this trend in the history of intellectual thought. Speculative realism can be seen as the “answer” to the “challenge” of the Anthropocene. However, in seeking this answer, speculative realism appeals to the principles of computer science. The impartial objectivism of computer science, in which the world is, first of all, the big data of existence, is extremely relevant to the main aspirations of speculative realists. The key ideas of speculative realism – separation from the principles of subjectivism, idealism, and anthropocentrism, and participation in the principles of objectivism, realism, and non-anthropocentrism – correlate with the basic scientific principles of computer science. Speculative realism can be seen as a modern version of positivism. Like Bacon’s positivism, which is actualized as the antithesis of scholastic idealism, and like Comte’s and Mill’s positivism, which is actualized as the antithesis of the idealism of German classical philosophy, speculative realism is actualized as the antithesis of the anti-realism of philosophical thought in the second half of the twentieth century. The meaning of speculative realism seems to lie in realism, which acquires not only an ontological but also deontological status. It opposes both the position of modernist optimism, which defines a human as the owner of being, and the position of postmodern skepticism, which defines being as a chaotic process not subject to human understanding. The exhaustion of anti-realistic (correlationist) continental philosophy (existentialism, phenomenology, structuralism, poststructuralism, analytic

philosophy) and its counter productivity in the conditions of digitalization of being and the prolongation of the Anthropocene can be determined as the origins of speculative realism.

REFERENCES

1. Berkeley, G. (2000) *Sochineniya* [Works]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
2. Kant, I. (1994) *Sochineniya: V 8 t.* [Works: In 8 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Choro.
3. Fikhte, J.G. (1995) *Sochineniya. Raboty 1792–1801 gg.* [Writings. Works of 1792–1801]. Translated from German. Moscow: Lodomir. pp. 275–473.
4. Sartre, J.-P. (1989) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism]. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat. pp. 319–344.
5. Fokkema, D. (1997) The Semiotics of Literary Postmodernism. In: Bertens, H. & Foccmema, D. (eds) *International Postmodernism. Theory and literary practice*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 15–42.
6. Vattimo, G. (2004) *Nihilism and Emancipation: Ethics, Politics, and Law*. New York: Columbia University Press.
7. Prigogine, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order Out of Chaos: Man's New Dialogue With Nature]. Translated from English. Moscow: Progress.
8. Mitrofanova, O.A. & Konstantinova, N.S. (2008) *Ontologii kak sistemy khraneniya znaniy* [Ontologies as knowledge storage systems]. [Online] Available from: http://www.sci-innov.ru/icatalog_new/entry_68352.htm
9. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [Logical investigations]. Vol. I. Translated from German by E.A. Bernsheyn. Moscow: Akademicheskii Proekt.
10. Bryant, L. (2021) *Larval Subjects*. [Online] Available from: <https://larvalsubjects.wordpress.com> (Accessed: 04.12.2019).
11. Meillassoux, Q. (2105) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Translated from French by L. Medvedeva. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
12. Brassier, R. (2007) *Nihil Unbound. Enlightenment and Extinction*. London: Palgrave Macmillan.
13. Brassier, R. (2017) Concepts and objects. *Logos*. 27 (3). pp. 227–262. (In Russian).
14. Naranovich, S. (2016) *Grem Kharman: My zhivem vnutri metafiziki* [Graham Harman: We live inside metaphysics]. [Online] Available from: <https://knife.media/graham-harman/> (Accessed: 04.12.2019).
15. Golovashina, O.V. (2018) Golovashina O.V. Objective ontology? G. Harman's Metaphysics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 34 (1). pp. 4–16. (In Russian).
16. Grant, I.H. (2006) *Philosophies of Nature After Schelling*. London; New York: Continuum.
17. Grant, I.H. (2011) Does Nature Stay What-it-is? Dynamics and the Antecedence Criterion. In: Bryant, L., Srnicek, N. & Harman, G. (eds) *The Speculative Turn Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re-press. pp. 66–83.
18. Constantine, L.L. (n.d.) *Chelovecheskiy faktor v programmirovani* [The Peopleware Papers]. Translated from English. [Online] Available from <https://www.litmir.me/br/?b=133025&p=1> (Accessed: 04.12.2019).
19. Meillassoux, Q. (2008) *Vremya bez stanovleniya* [Time without Becoming]. Translated from French. [Online] Available from: <http://gifter.ru/archive/7657> (Accessed: 04.12.2019).
20. Harman, G. (2015) *Chetveroyakiy ob"ekt: Metafizika veshchey posle Khaydeggera* [The Quadruple Object]. Translated from English by A. Morozov, O. Myshkin. Perm: Gile Press.
21. Harman, G. (2019) *Spekulyativnyy realizm: Vvedenie* [Speculative realism: An introduction]. Translated from English. Moscow: Ripol-Klassik.
22. Bryant, L., Srnicek, N. & Harman, G. (2011) Towards a Speculative Philosophy. In: Bryant, L., Srnicek, N. & Harman, G. (eds) *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Melbourne: re-press. pp. 1–18.
23. Bostrom, N. (n.d.) *My pochti navernyaka zhivem v komp'yuternoy simulyatsii* [Are You Living in a Computer Simulation?]. Translated from English. [Online] Available from: <https://econet.ru/articles/146560-nik-bostrom-my-pochti-navernyaka-zhivem-v-kompyuternoy-simulyatsii> (Accessed: 04.12.2019).
24. Virilio, P. (2002) *Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana* [Strategy of Deception]. Translated from English. Moscow: Gnozis; Pragmatika kul'tury.
25. Vetushinskiy, A.S. (2016) On the way to symmetry: how did ontology become flat. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 12 (108). pp. 1625–1630. (In Russian). DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.20796
26. Kuchinov, E. et al. (2016) *O sushchestvovanii digital'nykh ob"ektov: Beseda s Yukom Khueya* [On the existence of digital objects: A conversation with Yuk Hui]. 26 April 2016. [Online] Available from: <http://pop-philosophy.net/o-sushchestvovanii-digitalnyx-obektov/> (Accessed: 04.12.2019).
27. Kutryev, V.A. (2018) Speculative realism as the philosophy of facticity of the beginning of the end of humanity (world). (Reasoning on the book: Quentin Meillassoux. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency). *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 10. pp. 8–17. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0757.2018.10.27939

Received: 11 May 2021